

УДК 821.161.1.09Карамзин

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-112-121

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.М. КАРАМЗИНА 1790-Х ГОДОВ*

Сапченко Л.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700 г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4, Российская
Федерация*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению литературно-критического наследия Карамзина в динамике его взглядов на соотношение художественности и документальности в произведениях словесности, в контексте его «европеизма» начала 1790-х гг. и последовавшего затем разочарования в прежних идеалах (середина и вторая половина 1790-х гг.), когда искусство осмысляется им как «чародейство красных вымыслов», как способ ухода от действительности, а поэт предстаёт как «искусный лжец». В аспекте диалогизма анализируются специфические жанры карамзинской критики, представленные в «Московском журнале», а также в альманахах «Аглая» и «Аониды»: переводы, примечания, объявления, предисловия, выписки, обращения к читателю.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, 1790-е годы, литературная критика, жанры, искусство и действительность.

THE LITERARY-CRITICAL LEGACY OF N. KARAMZIN OF 1790S

L. Sapchenko

*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
4, V. Lenin's birthday 100-anniversary sq., Ulyanovsk, 432700, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the literary-critical legacy of Karamzin in the dynamics of his views on the relation of artistic and documentary merits in the works of literature, in the context of his “Europeanism” of early 1790s and the subsequent disappointment in his former ideals (the middle and second half of the 1790s), when art is interpreted by him as “sorcery of embellished figments”, as a way to escape reality, and the poet appears as a “skillful liar.” In the aspect of dialogism, specific genres of Karamzin criticism in “Moscow Journal”, as well as in “Aglia” and “Aonide” almanacs are analysed: translations, notes, announcements, prefaces, excerpts and appeals to the reader.

Key words: N. Karamzin, 1790s, literary criticism, genres, art and reality.

Литературно-критическое наследие Н.М. Карамзина не раз становилось объектом внимания исследователей. Оно рассматривается обычно как фено-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь» № 15-04-00494

© Сапченко Л.А., 2017.

мен сентименталистской эстетики, положившей в основу оценки произведений критерий вкуса (взамен нормативных требований классицизма) и связанной с особенностями индивидуального восприятия. В то же время Карамзина-критика необходимо изучать в свете эволюции его философско-эстетических воззрений и, прежде всего, в аспекте его взглядов на соотношение художественного творчества и действительности. Поначалу искусство для Карамзина – «человековедение», путь к «нравственному сближению» людей, обращение к «Натуре», учение у неё. В период глубокого душевного кризиса, вызванного последствиями французской революции, искусство – «чародейство красных вымыслов», способ ухода от реальности, а поэт – «искусный лжец».

Как издатель «Московского журнала» Карамзин ещё всецело увлечён идеей европеизации русской культуры. Наличие литературной критики для него – неперенный атрибут европеизированного литературного сообщества, обязательный элемент литературного процесса.

В это время художественные создания более привлекают критика, нежели «сухие» моральные диссертации «философа не-поэта». Нравственные ценности скорее откроются читателю «в пленительных образах», считает Карамзин. Слово «поэт» звучит у него как похвала и высокое отличие. Поэтическое воображение позволяет автору узнать «тайнейшие пружины» человека, его «сокровеннейшие побуждения, черты «каждой страсти, каждого темперамента и каждого рода жизни» [5, с. 8]. «Поэтическое» в его понимании – вымышленное, художественное

и, следовательно, обращенное к эмоциональному восприятию читателя» [11, с. 98].

В начале 1790-х гг. для Карамзина не существовало непреодолимого противоречия между воображением и верностью «натуре». Величайшие произведения искусства, по Карамзину, рождаются «живым чувством истины», которое сама природа даёт автору и человеку. Критик ценит в поэте знание «сердца человеческого» [5, с. 12], глубокое проникновение в «моральную натуру человека», в его «естество», внимание к «обыкновенным сценам жизни» [5, с. 33], отказ от чудес и сладострастных картин [5, с. 32], «отменное искусство в описании подробностей и характеров» [5, с. 33]. В то же время Карамзин не отрекался от эстетических принципов Шарля Баттё, призывавшего подражать «прекрасной природе».

Отличительной чертой карамзинской критики является установка на диалог с доброжелательным собеседником и другом. Неизменные обращения к читателю не просто закон жанра, но принципиальная установка Карамзина, всегда учитывавшего другое мнение. Он понимал, что любое явление существует лишь в чьём-либо восприятии, и стремился к тому, чтобы найти здесь точки соприкосновения, обрести «единочувствие». Поэтому литературно-критические отзывы Карамзина, как правило, полилог, в котором участвуют автор, его герои, критик, читатель, переводчик и собственно издатель.

В связи с этим специфическими для Карамзина стали не собственно рецензии, а сопровождающие ту или иную статью *примечания, предисловия,*

обращения и т. п. издателя (реплики в разговоре), где были сформулированы многие принципиальные для него положения (как и в ряде примечаний к «Письмам русского путешественника») [17; 19].

В примечаниях, имеющих программный характер, издатель отстаивал необходимость справедливой критики, говорил о её благотворном воздействии на уровень литературного развития: «Что была немецкая литература за тридцать лет перед сим, и что она теперь? И не строгая ли критика произвела отчасти то, что немцы начали так хорошо писать?» [7, с. 278; 16, с. 74].

В 8 части «Московского журнала» была напечатана статья «Аполлон» немецкого историка литературы Ф. Бутервека (1766–1828). К словам из статьи: «Кто хочет быть поэтом, тот более всего должен любить человеческую натуру: ибо она пребывает всегда главным предметом поэзии», – Карамзин делает своё примечание: «Человечество и Натура суть два великие предмета поэзии. Тот – единственно тот может быть Поэтом, кто взором своим проникает в человечество и в Натуру глубже, нежели другие; кто находит в оных красоты, укрывающиеся от взора людей обыкновенных. – К.» [9, с. 125]. «Карамзин остановил выбор на этой статье своего германского сверстника не случайно: он почувствовал в ней пафос родственной души и увидел эстетическую программу, которую был готов разделить» [14, с. 140].

Кроме примечаний, необходимо обратить внимание также на предшествующие публикациям предисловия, содержащие эстетические и литературно-критические установки Карамзина.

Так, публикации сцен из «индейской» драмы «Саконтала» предшествует слово «От издателя»: «Творческий дух обитает не в одной Европе: он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце, и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде Натура есть его наставница и главный источник его удовольствий» [8, с. 125]. У Карамзина «выбор произведения для рецензирования уже является критическим приёмом» [13, с. 91].

Особо можно отметить объявления о вышедших книгах, содержащие, несмотря на свою краткость, важнейшие критерии карамзинской оценки литературных произведений. Так, в объявлении о публикации романа Холкрофта «Анна Сент Ив» отмечены достоинства сочинения: почти шекспировская верность в изображении характеров, поэтическое вдохновение, отсутствие невозможного и невероятного в сюжете.

В «Московском журнале» нередко встречаются статьи, автором которых Карамзин не был, но, по-видимому, присоединился к публикуемой точке зрения. Так, в «Письме из Рима» Морица есть строки о Гёте, под которыми, думается, мог бы подписаться и сам издатель: *Сей великий дух есть зеркало, которое представляет мне все предметы в живейшем их сиянии и в свежайших красках. <...> Ибо при всех красотах Искусства и Натуры нет ничего приятнее гармонического сообщения мыслей, которое объясняет нам самые темнейшие чувства наши* [9, с. 157-158].

Литературно-критическая позиция Карамзина представлена также в выписках, извлечениях из иностранных ав-

торов. «Карамзин проявлял большую свободу в отборе рецензий и часто контаминировал отдельные их куски, делая большие купюры и выделяя наиболее важное, со своей точки зрения» [15, с. 798].

Посредством отобранных и переведённых для журнала рецензий и других материалов, предисловий и примечаний к ним, прямых обращений к читателю создавался особый метатекст, происходил своего рода интеллектуально-философский диалог.

Существенная особенность карамзинской критики в том, что редкая рецензия обходится у него без указания на соотношение художественности и документальности, вымысла и подлинной истории в сочинении. На этом противопоставлении Карамзин строит собственную теорию литературных жанров: «Почтенный автор в предисловии своём говорит, что Кадм его есть не поэма, а простая повесть; но когда повесть есть не история, а вымысел, то она, кажется, есть поэма – эпическая или нет, но всё поэма – стихами или прозою писанная, но всё поэма, которая по общепринятому понятию на других языках означает всякое творение вообразительной силы. Таким образом комедия, роман есть поэма» [6, с. 81].

Образ Карамзина как литературного критика дополняют его письма к И.И. Дмитриеву. В них на протяжении ряда лет живо обсуждались литературные новости; причём адресант был дружески откровенен и прям, часто ироничен, в своих оценках явлений отечественной словесности. «Ты верно читал в Академическом журнале оды Николева, будто бы сыном его сочинённые, и оду Хвостова, под именем

стихотворение. То-то поэзия! То-то вкус! То-то язык! – Боже! Умилосердися над нами!» [2, с. 19]. О нравоучительно-философском «Лирическом послании княгине Е.Р. Дашковой» (позднее под заглавием «Лиродидактическое послание...») Н.П. Николева Карамзин пишет: «... жёсткое послание (и притом лирическое!!!) так натёрло мой мозг, что он несколько часов был подобен болячке» [2, с. 20]. Иронически упоминает он о сочинении «одной девицы», «в котором есть гладкие стихи, но нет поэзии» [2, с. 21]. «Ода на щастие [В.В. Капниста. – Л.С.] гладка. Сочинитель имеет вкус. Но находишь ли ты в сей пиесе новья, живья, глубокия чувства и творческое воображение?» [2, с. 33]

Литературно-критические отзывы и оценки во множестве присутствуют в «Письмах русского путешественника». Немецкие писатели удостоены похвалы за то, что они «с такою живостию представляют в драмах своих человека, каков он есть, отвергая все излишние украшения, или французские румяна...» [3, с. 40]

«Благородная, величественная, прекрасная» французская Мельпомена, чьи творения «сочинены более для чтения, нежели для театра» [3, с. 233-234], не трогает, не потрясает сердце автора «Писем русского путешественника» так, как «муза Шекспирова и некоторых (правда, немногих) немцев» [3, с. 233].

Преклоняясь перед «бессмертным Руссо», автор «Писем русского путешественника» не может не отметить, что в знаменитом романе «много неестественного, много увеличенного – одним словом, много романического, – однако и на французском языке

никто не описывал любви такими яркими, живыми красками, какими она в Элоизе описана...» [3, с. 150]

Как всегда, то или иное произведение предстаёт у Карамзина через призму читательской оценки. Созданное для публики и адресованное ей, оно существует только в её восприятии. Причём, чем шире круг читателей или зрителей у автора, тем большего внимания заслуживает он в глазах критика: «Вольтер писал для читателей всякого рода, для учёных и неучёных; все понимали его, и все пленились им. <...>. Публика всегда была на его стороне, потому что он доставлял ей удовольствие смеяться!» [3, с. 159]

Выше похвал оказывается Стерн, «оригинальный живописец чувствительности» [3, с. 369].

Карамзин высоко ставит также «живописную поэзию», способную воссоздать красоту земного творения: «По сие время ничто не может сравняться с Томсоновыми “Временами года”; их можно назвать зеркалом природы» [4, с. 368]. То и дело мысленно возвращаясь к Шекспиру, восхищаясь его гением, Карамзин определяет черты, делающие создания британского драматурга художественно совершенными: «величие, истина характеров, занимательность приключений, откровение человеческого сердца и великие мысли», обладающие магическим воздействием на «людей с чувством» [3, с. 368].

Привлекает внимание автора «Писем...» сближение жанров истории и романа в английской литературе: «Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как историю жизни, а Робертсон, Юм, Гиббон влияли в историю привлекательность

любопытнейшего романа умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом» [3, с. 369].

Но с особым почтением отзывается Карамзин о путешествиях, созданных на основе реальных впечатлений, о книгах, показывающих действительные события, отражающих развитие мыслей, чувств и душевных способностей автора. Это «Anton Reiser» Морица, «Исповедь» Руссо, «История моей молодости» Штиллинга, «Urkundedes menschlichen Geschlechts» Гердера, т. е. «анналы рода человеческого» [3, с. 71]. Такие творения предпочитает он «всем систематическим психологиям в свете» [3, с. 46], хотя умеет ценить и «нежные произведения цветущей фантазии» («Парамифии» Гердера), почитает и «выспренного» (вариант «возвышеннейшего») Клопштока [3, с. 72, 419].

В «Письмах русского путешественника» отразились изменения в карамзинском понимании сущности и целей искусства. Близость произведений искусства документальным жанрам – путешествию, «наблюдениям», автобиографии, исповеди, истории – всё чаще становится у Карамзина поводом для их высокой оценки. По словам В.С. Валуева, Карамзин-критик оценивает и художественные творения, и политические статьи, и философские трактаты, не расчленяя «на виды словесности всего того, что выражено в письменном слове» [12, с. 21-22]. «Синкретизм предмета карамзинской литературной критики, связан не столько с неразвитостью жанра критики, – пишет исследователь, – сколько с просветительской эстетической позицией писателя»: «... читателя в равной мере образуют и поучают и стихи,

<...>, и «Естественная история» Бюффона, и описание путешественниками дорожных достопримечательностей» [12, с. 22]. Однако дело не только в просветительской программе как таковой, и даже не в том, что «критерий пользы сохраняет здесь для Карамзина всё своё значение» [19, с. 129], но и в явном влечении критика к жанрам документальным, которые, по его мнению, стоят ближе к истине, представляя «действительный мир»: не «мечту», а «существенность» [21].

Карамзинская статья о «Всеобщей и частной естественной истории графа Бюффона...» является, в сущности, эстетической программой создателя «Истории государства Российского». Критик и будущий историограф более всего ценит в Бюффоне умение представить Натуру в живой картине, писанной с философическим духом, с пылким воображением и то же время – с точностью и верностью наблюдений [6, с. 238].

Статья «Что нужно автору?» («Аглая». 1794. Ч. 1) знаменует начавшийся в отечественной литературы процесс формирования поэтики авторской модальности. Категория «автор» выходит, с одной стороны, на первый план, а с другой – ещё подчиняется нормативным установкам. Сама формулировка заглавия включает эти две противоположные тенденции: творческая индивидуальность («автор») и эстетическая необходимость (что «нужно»). «Подобно анализируя механизм творчества, останавливаясь на деталях и приводя примеры, он обращает свои критические статьи к авторам едва ли не больше, чем к читателям» [13, с. 92].

Согласно нравственно-эстетическим основам сентиментализма, каж-

дая душа человеческая должна испытывать сердечное сочувствие всему людскому роду. Тот, кто лишён этого, не может быть писателем, поскольку его назначение – чувства добрые лирой пробуждать, говорить «о милосердии, сострадании, добродетели» [5, с. 61]. Отсюда – особый акцент на фигуре читателя – потенциального сочувственника и единомышленника, обрести взаимопонимание с которым, найти в нём родственную душу – становится целевой программой писателя. Установка на диалог с читателем, на передачу ему благородных, гуманных, нравственных начал предьявляла особые требования к автору как их носителю: «Ты хочешь быть Автором: читай историю несчастий рода человеческого – и, если сердце твоё не обольётся кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей» [5, с. 61].

Знаменитое предисловие ко второму сборнику «Аонид» призывает писателей находить «в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону» [5, с. 89], предостерегает поэтов от излишней, ненатуральной чувствительности, слезливости и даёт уроки литературного мастерства: изображать не только общие черты, описывая человеческие чувства, а передавать их индивидуальные особенности, сообщать конкретные обстоятельства, подробности и т. д.

В то же время здесь совершается переход Карамзина к иным представлениям о поэзии и правде. По Карамзину, торжество искусства есть принятие его за действительность, когда исчезает пренебрежительное отношение к художественным творениям как к искусной лжи, вымыслу, игре, ча-

родейству. Но при этом критик, отдавая должное таланту художника, прибегает к слову «обман»: «Сии-то черты, сии подробности и сия, так сказать, личность уверяют нас в истине описания и часто обманывают нас, но такой обман есть торжество искусства» [5, с. 89].

В начале 1790-х годов искусство для Карамзина – сердцеведение, наилучший способ самопознания людей, их «нравственного сближения». Цель художеств – облагородить, понять и возвысить человеческую душу, дать пищу уму, утешить, учить добру и состраданию, «потрясать тончайшие фибры сердец наших» (<О Стерне>, 1792) [5, с. 37].

Во второй половине 1790-х годов в мировоззрении Карамзина формируется антитеза: «трагическая, непостижимая жизнь – утешающее, иллюзорное искусство» [4, с. 44]. «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения и живёт там по своему вкусу и сердцу...» (из письма к И.И. Дмитриеву 28 августа 1796 г.) [2, с. 69]. Поэзия «утешает, развлекает и дарует душевный покой, неотделимый от улыбочивого приятия иллюзорного мира» [18, с. 26].

«Искусство писать» определяется как «источник стольких наслаждений для тонких душ, столь заполняющий пустоту жизни» («Письмо в “Зритель” о русской литературе», 1797) [5, с. 99]. Ощущение пустоты жизни – следствие разочарования в достижимости тех возвышенных устремлений, которые наполняли её прежде. Цель искусства теперь видится в том, чтобы украсить опустевший мир («поэзия – цветник чувствительных сердец» [4, с. 251]), всё чаще повторяется слово «обман».

Пустоту жизни можно заполнить размышлениями о прекрасном (т. е. о том, чего «нет», по словам Руссо), игрой воображения, уносящего «в заоблачные выси сладостных химер», мечтой об идеале: «... будем обманываться сами и обманывать тех, кто достоин быть обманутым. Ах! Если я не умею найти счастье в жизни, быть может, я сумею его нарисовать, это всё-таки значит быть каким-то образом счастливым: это всё-таки кое-что» [5, с. 99]. Иллюзия предстаёт как «единственная реальность» [18, с. 29].

Карамзинская концепция была связана с платоновским учением о мире теней. «Образы искусства, по Платону, не способны отобразить самую истину. Изобразительное искусство – область не реальности, а лишь обманчивой видимости» [10, с. 611]. Сквозной в наследии Карамзина образ «китайских теней» – призрачных подобию истинного бытия – был, по-видимому, навеян трудами греческого философа [см. 20]. Это было следствием «глубокого недоверия к поэзии, к воспаряющему и обольщающему слову, что неизбежно оказывается в конфликте с безжалостной действительностью» [18, с. 21]. Закономерно, что Карамзиным овладело стремление не принимать игру теней за реальность, а попытаться постигнуть мир сущностей через обращение к подлинной истории.

Сомнения в достижимости абсолютного знания соединялись у Карамзина с надеждой на прозрение в ином мире. Но поскольку человеку не дано здесь постичь истину, его суждения об искусстве и действительности будут неизбежно субъективными и не могут претендовать на всеобщее при-

знание. По этой же причине Карамзин не отвечал на критику в свой адрес («Не мешаю другим мыслить иначе»)» (П.А. Вяземскому 21 августа 1818г.) [1, с. 60].

С началом царствования Александра I изменилось мировосприятие писателя и критика, стали иными его воззрения и на литературу, и на действительность. Теперь все виды деятельности – и художественная, и

практическая – во всех сферах жизни должны были быть подчинены, по Карамзину, одной цели: благу отечества, просвещению и добродетели. В связи с этим большую пользу могут принести не поэт и не критик, а «молодой человек с *решительным образом мыслей*» [5, с. 219]. Всё это отразилось в содержании и структуре «Вестника Европы» (1802-1803).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ИСТОЧНИКИ:

1. Карамзин Н.М. Письма к П.А. Вяземскому // Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1-204.
2. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 718 с.
4. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / вступит. статья, подготовка текста и примеч. Ю.М. Лотмана. М.-Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
5. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1984. 456 с.
6. Московский журнал. 1791. Ч. 1. С. 80-101.
7. Московский журнал. 1792. Ч. 5. С. 278-290.
8. Московский журнал. 1792. Ч. 6. С. 125-127.
9. Московский журнал. 1792. Ч. 8. С. 118-131, 154-158.
10. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. 687 с.

ЛИТЕРАТУРА:

11. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 560 с.
12. Валуев В.С. О литературной критике Н.М. Карамзина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1990. № 5. С. 20-26.
13. Веселова А.Ю. А.Т. Болотов и Н.М. Карамзин о задачах литературной критики // Аониды: сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.- СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 84-92.
14. Гаврюшин Н.К. Мистический неоэллинизм и идеал «эстетической Церкви». Ф. Бутервек и Ф. Гёльдерлин // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 140-148.
15. Кафанова О.Б. Французский дискурс в структуре журналов Н.М. Карамзина // *Revue des études slaves*. 2012, vol. 83, no. 2, pp. 793-811.
16. Кочеткова Н.Д. Два издания «Московского журнала» Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 168-182.
17. Куляпин А.И. Жанрово-стилевая природа критики Н.М. Карамзина // Проблемы метода и жанра. Вып. 15. Томск, 1989. С. 58-70.
18. Немзер А.С. При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. 893 с.
19. Очерки истории русской литературной критики. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. 368 с.

20. Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин и учение Платона // Пастораль: взаимодействие искусств, жанров, стилей: сб. научных трудов. М.: Академия имени Маймонида, 2016. С. 68-78.
21. Сапченко Л.А. «Мечта» и «мысль» в карамзинских текстах // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Т. 1. М: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. С. 200-204.

REFERENCES & SOURCES

SOURCES

1. Karamzin N.M. [Letters to P. Vyazemsky]. In: *Starina i novizna. Kn. 1* [The old and the new. Book 1]. St. Petersburg., 1897, pp. 1–204.
2. Karamzin N.M. *Pis'ma k I.I. Dmitrievu* [Letters to I. Dmitriev]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1866. 727 p.
3. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 718 p.
4. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 424 p.
5. Karamzin N.M. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Compositions: in 2 vols. Vol. 2]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 456 p.
6. *Moskovskii zhurnal. 1791. CH. 1* [Moscow journal. 1791. P. 1], pp. 80–101.
7. *Moskovskii zhurnal. 1792. CH. 5* [Moscow journal. 1792. P. 5], pp. 278–290.
8. *Moskovskii zhurnal. 1792. CH. 6* [Moscow journal. 1792. P. 6], pp. 125–127.
9. *Moskovskii zhurnal. 1792. CH. 8* [Moscow journal. 1792. P. 8], pp. 118–131, 154–158.
10. Losev A.F., Asmus. V.F. *Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3* [Plato. Works: in 3 volumes vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 687 p.

REFERENCES

11. Alpatova T.A., Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya [N. Karamzin's prose: the poetics of narrative]. Moscow, MRSU Publ., 2012. 560 p.
12. Valuev V.S. [On the literary criticism of N. Karamzin]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology]. 1990, no. 5, pp. 20–26.
13. Veselova A.YU. [A. Bolotov and N. Karamzin on the tasks of literary criticism]. In: Aonidy: sb. statei v chest' N.D. Kochetkovo [Aonids: collection of articles in honor of N. Kochetkova]. Moscow–St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2013, pp. 84–92.
14. Gavryushin N.K. [Mystical neohellenism and the ideal of the “aesthetic of the Church.”] F. Bouterwek and F. Hölderlin. In: Voprosy filosofii [Problems of philosophy]. 2005, no. 3, pp. 140–148.
15. Kafanova O.B. [The French discourse in the structure of N. Karamzin's journals]. In: Revue des études slaves. 2012, vol. 83, no. 2, pp. 793–811.
16. Kochetkova N.D. [Two editions of the “Moscow journal” by N. Karamzin]. In: XVIII vek. Sb. 19 [18th century. Coll. 19]. St. Petersburg, Nauka, 1995, pp. 168–182.
17. Kulyapin A.I. [Genre-stylistic nature of the N. Karamzin's criticism]. In: Problemy metoda i zhanra [Problems of method and genre]. 1989, no. 15, pp. 58–70.
18. Nemzer A.S. Pri svete Zhukovskogo. Ocherki istorii russkoi literatury [In the light of Zhukovsky. Essays on the history of Russian literature]. Moscow, Vremya Publ., 2013. 893 p.
19. Ocherki istorii russkoi literaturnoi kritiki. T. 1 [Essays on the history of Russian literary criticism. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 368 p.

20. Sapchenko L.A. [N. Karamzin and the teachings of Plato]. In: Pastoral': vzaimodeistvie iskusstv, zhanrov, stilei: sb. nauchnykh trudov [Pastoral: the interaction between the arts, genres, styles: coll. of scientific papers]. Moscow, Akademiya imeni Maimonida Publ., 2016, pp. 68–78.
21. Sapchenko L.A. ["Dream" and "thought" in Karamzin's works]. In: Russkoe literaturovedenie v novom tysyacheletii. T. 1 [Russian literary criticism in the new Millennium. Vol. 1]. Moscow, RITS «Al'fa» MGOPU Publ., 2002, pp. 200–204.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov A. Sapchenko – Doctor in Philological Sciences, professor at Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сапченко Л.А. Литературно-критическое наследие Н.М. Карамзина 1790-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 112-121.
DOI: [10.18384/2310-7278-2017-3-112-121](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-3-112-121)

CORRECT REFERENCE

L. Sapchenko. The literary-critical legacy of N. Karamzin of 1790s. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 3, pp. 112-121.
DOI: [10.18384/2310-7278-2017-3-112-121](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-3-112-121)